

А.Е. Григорьева

Современное состояние и пути реформирования системы мер пресечения

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье исследуется развитие российской системы уголовно-процессуальных мер пресечения. Отмечено, что современная система мер пресечения в недостаточной степени отвечает ее целям и приведены основные причины такой ситуации. Выделены, обозначены и проанализированы предлагаемые учеными-процессуалистами перспективные векторы реформирования системы мер пресечения; сформулировано собственное видение направлений развития рассматриваемой системы.

Ключевые слова: меры пресечения; принудительные средства воздействия; заключение под стражу; меры психологического характера; запрет определенных действий; запреты, ограничения и обязательства как средства принудительного воздействия.

A.E. Grigorieva

The current state and ways of reforming the system of preventive measures

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article examines the development of the Russian system of criminal procedural measures of restraint. It is noted that the modern system of preventive measures does not adequately meet its goals and the main reasons for this situation are given. The promising vectors for reforming the system of preventive measures proposed by procedural scientists are identified, identified and analyzed; formulated its own vision of the directions of development of the system under consideration.

Keywords: preventive measure; coercive means of influence; detention; psychological measures; prohibition of certain actions; prohibitions, restrictions and obligations as a means of coercive influence.

Реформирование системы уголовно-процессуального принуждения – длительный и постоянный процесс, направленный на создание наиболее оптимального перечня принудительных мер. Вся сложность создания такой системы заключается в том, что она должна отвечать как запросам современного общества на гуманизацию уголовного судопроизводства, так и в должной степени обеспечивать надлежащее поведение его участников посредством пресечения, предупреждения, нейтрализации и искоренения противодействия органам расследования, прокурорам, судам в ходе производства по уголовному делу.

Признавая правоту утверждения С.П. Ефимичева о том, что «весь уголовный процесс в широком понимании по своей сути является системой принуждения...» [1, с. 23] и состоит из множества принудительных средств, говоря о системе уголовно-процессуального

ГРИГОРЬЕВА Алена Егоровна – к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс», Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: achenag@mail.ru

GRIGORIEVA Achena Egorovna – Candidate of Judicial Sciences, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Law and Proceedings, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

принуждения мы имеем ввиду, прежде всего, те меры, что содержатся в разделе IV «Меры процессуального принуждения» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Начиная с судебных реформ 1864 года и утверждения Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), система уголовно-процессуального принуждения России претерпела значительные трансформации. Вначале по УУС это были две группы мер, включавших разные ее виды. Первая группа – меры представления к правосудию: призыв, привод, несудебное отобрание подписки о явке, аресте. Вторая – меры обеспечения неуклонения от правосудия: отобрание подписки о неотлучке, залога, поручительства, вида на жительство, отдача под надзор полиции, домашний арест, взятие под стражу. Именно последние, собственно, представляли собой те меры, что впоследствии стали называться мерами пресечения.

В советский период система мер пресечения вновь была преобразована: некоторые виды были исключены из нее (например, домашний арест, надзор полиции). В то же время она была дополнена мерами, применяемыми в отношении специальных субъектов (присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым; наблюдение командования воинской части). Появился новый вид – общественное поручительство, помимо сохранившегося личного поручительства. Эта мера пресечения просуществовала вплоть до принятия УПК РФ, в котором от нее отказались, признав неэффективной.

Все принудительные средства, образующие основной объем процессуального принуждения, разделены в УПК РФ на три группы: задержание (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14). Таким образом, являясь разновидностью мер процессуального принуждения, меры пресечения выделены в их системе в отдельную обособленную группу, представляющую собой тоже самостоятельную систему.

Меры пресечения носят целенаправленный характер. В зависимости от способа воздействия на обвиняемого, используемого для достижения цели применения меры пресечения, их разграничивают на оказывающие психологическое, физическое воздействие либо ограничивающие или лишаящие свободы, имущественных прав и законных интересов.

Современная система мер пресечения представлена восемью видами мер, расположенных законодателем в УПК РФ в соответствии с усилением характера воздействия на обвиняемого (степени строгости): подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест и заключение под стражу. Вместе с тем, многими десятилетиями выбор меры пресечения правоприменителем осуществлялся между двумя крайними в этой системе мерами: подпиской о невыезде и заключением под стражу. Причины такому положению дел в научной литературе звучало множество. Основные связывают с недостаточной проработанностью норм, регулирующих применение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу: риски, связанные с процедурами отмены для избрания другой меры пресечения при ненадлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого; недостаточность практического опыта применения альтернативных мер у следователей и судей, а также формирующейся вследствие этого неуверенности и страхе в правильности своих действий, решений и другие. В.В. Рудич верно отмечает о сформированном у правоприменителя стереотипном стандарте поведения [2, с. 26], заставляющем его останавливать свой выбор только на одной из двух мер пресечения, крайне отличающихся между собой по объему и характеру принуждения.

Справедливости ради стоит отметить, что отечественная система мер пресечения подвергалась значительным преобразованиям, направленным на расширение сферы приме-

нения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу (прежде всего, залога и домашнего ареста). Более того, статистические данные последних лет свидетельствуют о заметном росте востребованности у правоприменителя такой меры пресечения, как домашний арест [3; 4, с. 111-112]

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ система мер пресечения была расширена введением новой меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Ее появление внесло определенный диссонанс в стройную иерархическую систему мер пресечения, вызвало неоднозначную оценку ученых: от полной поддержки до утверждений о непроработанности норм и поспешности ее введения [5, с. 106]. В соответствии с ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

- 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- 2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- 3) общаться с определенными лицами;
- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- 6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Запрет определенных действий имеет двойственный характер применения. Во-первых, он может выступать как самостоятельная мера пресечения, являясь более мягкой по сравнению с домашним арестом. Во-вторых, в соответствии с ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ, ч. 7 ст. 107 УПК РФ суд при избрании залога, домашнего ареста вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого запреты, входящие в содержание названной меры пресечения.

Следует иметь в виду, что в ч. 1 ст. 97 УПК РФ установлен запрет на применение одновременно двух мер пресечения в отношении одного лица. И это нормативное положение носит доктринальный характер. По мнению ряда ученых, оно вступает в противоречие с нормой ст. 105.1 УПК РФ, предусматривающей возможность применения запрета определенных действий в качестве дополнительной меры пресечения при избрании залога или домашнего ареста. В.В. Рудич утверждает, что запрет, установленный в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, стал анахронизмом и «его устранение является одной из главных предпосылок к системному реформированию института мер пресечения» [2, с. 27]. В целом соглашаясь с приведенным им обоснованием, стоит отметить, что в ч. 8.1 ст. 106, ч. 7 ст. 107 УПК РФ говорится об избрании не столько самой меры пресечения в виде запрета определенных действий в качестве дополнительной, сколько о возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению одного или нескольких запретов, входящих в содержание указанной меры.

Вместе с введением данной меры пресечения домашний арест не только «передал» ей часть своих признаков (запретов и ограничений), но и принципиально изменил характер применяемого принуждения. Он стал значительно жестче. Если раньше домашний арест мог заключаться как в частичной, так и в полной изоляции лица от общества, то теперь

это только полная изоляция. Частичная изоляция «ушла» в содержание новой меры пресечения.

Таким образом, система мер пресечения приобрела кардинальные преобразования, появилась гибкость, возможность комбинировать ограничения и запреты, входящие в содержание разных мер пресечения.

Практика применения мер пресечения показала, что правоприменитель положительно воспринял эти нововведения. Запрет определенных действий не только стал избираться как самостоятельная мера пресечения, но в большей степени, – именно как комбинированная с залогом и домашним арестом. Так, уже в 2018 г. было рассмотрено 347 ходатайств об избрании запрета (301 из них удовлетворено); в 877 случаях были возложены обязанности на подозреваемого (обвиняемого) по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста. А в 2020 г. произошел кратный рост: рассмотрено 2112 ходатайств об избрании запрета (1850 из них удовлетворено); в 2012 случаях возлагались обязанности по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста.

В большинстве случаев инициатива применения запрета определенных действий или входящих в него ограничений исходит не столько от органов предварительного расследования, сколько от суда при отказе в избрании более строгой меры пресечения. Данные судебной статистики отражают значительный рост востребованности именно ограничений (обязанностей), входящих в содержание запрета определенных действий [3].

Таким образом, в вопросе совершенствования системы мер пресечения сформировались весьма перспективные подходы, направленные на конструирование мер пресечения. Они предполагают:

- создание совокупности (перечня) видов ограничений (запретов, обязательств) различного принудительного воздействия;
- создание правового механизма их обеспечения и исполнения;
- создание возможности выбора правоприменителем в целях обеспечения надлежащего поведения обвиняемого не только конкретной меры пресечения, но и комбинирования различных видов запретов и обязательств, конструируя тем самым оптимальную меру пресечения.

Так, К.В. Муравьев в своей монографии предложил принципиально новую модель принудительного процессуального воздействия, включающую три элемента: 1) основные ограничения; 2) дополнительные ограничения и дополнительные обязательства; 3) способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств. Развивая эту идею, он представил перечень ограничений и обязательств, которые могут входить в содержание каждого из трех элементов предложенной им модели [6]. Такое направление для совершенствования и корректировки уголовно-процессуального законодательства в сфере мер пресечения представляется нам перспективным, позволяющим оптимизировать процесс выбора необходимого средства принудительного воздействия на обвиняемого, подозреваемого для обеспечения его должного поведения.

Еще одним направлением, заслуживающим внимания, является предложение отказаться от средств воздействия психологического характера как самостоятельных мер пресечения. Речь идет о подписке о невыезде и поручительстве во всех его проявлениях (ст. 103-105 УПК РФ). Они действительно малоэффективны, и как резонно отмечает В.В. Рудич, все их пресекающее действие сводится к угрозе применения к нарушителю более строгой меры пресечения. Он же полагает, что обязательство о явке к лицам, ведущим производство по делу, как и меры принудительного характера, создающие препятствия к уклонению от такой явки, должны возлагаться должностными лицами в рамках ограни-

чений и обязательств, входящих в содержание или гарантирующих применение других мер пресечения (залога и домашнего ареста, например) [2, с. 28].

Подводя итоги, считаем важным отметить, что современная система уголовно-процессуального принуждения, и мер пресечения, в частности, все еще находится на этапе преобразований. В последнее время заданы верные, на наш взгляд, векторы и направления по ее реформированию, и для этого необходимы концептуальные изменения в подходах к созданию оптимальной системы мер пресечения.

Литература

1. Ефимичев С.П. Уголовно-процессуальное принуждение и место мер пресечения в решении задач предварительного расследования // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. – Волгоград, 1987.
2. Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения – мер пресечения // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 3. – С. 25-31.
3. Основные статистические показатели деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 13.06.2023).
4. Григорьева А.Е. К вопросу о востребованности мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 12 (204). – С. 110-113.
5. Чернова С.С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3(45). – С. 103-110.
6. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: моногр. – Омск: Омская академия МВД России, 2017. – 226 с.

References

1. Efimichev S.P. Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie i mesto mer presechenija v reshenii zadach predvaritel'nogo rassledovaniya // Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie i otvetstvennost', ih mesto v reshenii zadach predvaritel'nogo rassledovaniya. – Volgograd, 1987.
2. Rudich V.V. O sovremennoj sisteme mer ugolovno-processual'nogo prinuzhdenija – mer presechenija // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2021. – № 3. – S. 25-31.
3. Osnovnye statisticheskie pokazateli dejatel'nosti federal'nyh sudov obshhej jurisdikcii i mirovyh sudej. [Elektronnyj resurs] / Oficial'nyj sajт Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashhenija: 13.06.2023).
4. Grigor'eva A.E. K voprosu o vostrebovannosti mer presechenija, al'ternativnyh zakljucheniju pod strazhu // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2021. – № 12 (204). – S. 110-113.
5. Chernova S.S. Novaja mera presechenija v ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika. – 2018. – № 3(45). – S. 103-110.
6. Murav'ev K.V. Mery processual'nogo prinuzhdenija – osobyje sredstva ugolovno-pravovogo vozdejstvija: doktrina, primenenie, optimizacija: monogr. – Omsk: Omskaja akademija MVD Rossii, 2017. – 226 s.

